

Глава 3

Изменения в структурах социальных неравенств

Социальное расслоение в современном российском обществе еще не сложилось в сколь-нибудь устойчивую структуру. Уникальность постсоветских трансформаций затрудняет использование классических теорий. Идет активный поиск и в теоретическом осмыслении новой ситуации, и в установлении тенденций социального расслоения.

Тема 1. Теоретические подходы к изучению социальных неравенств

Применение тех или иных теорий к анализу трансформаций в посткоммунистических странах ставит больше вопросов, чем дает ответов. Это объясняется принципиально новой социально-экономической, политической и глобальной ситуацией, в прошлом не имевшей аналогов.

Резкие изменения в порядках социальных неравенств в период радикальных перемен воспринимаются очень болезненно. Исследователи проблемы не без труда пытаются определить, какая именно теоретическая концепция социального расслоения более адекватна для анализа динамичных изменений в российском обществе.

1.1. Классическое наследие и современные теории

Принципиальное отличие классического классового подхода Маркса и Вебера от современных концепций социальных неравенств состоит в том, что классики исходили из идеи **социального прогресса** и соответствующих модификаций социальной структуры обществ. Современные теоретики акцентируют внимание на многовариантности социальных изменений и потому решающее значение придают не столько уже сложившимся социальным структурам, сколько социальным группам, коллективным субъектам, эти структуры формирующим.

Действительно: каким образом и какие различия формируют сегодня возникающие социальные иерархии? С чем связаны изменения в общественном положении многообразных групп и общностей, которые образуют пространство социальных отношений? И, наконец, возможно ли социальное равенство, а если нет, то возможна ли минимизация социального неравенства хотя бы в некоторых отношениях?

Классовый подход. Наиболее существенный вклад в развитие теории социального расслоения и возникновения социальных неравенств внесли классики социологии К. Маркс¹ и М. Вебер [2]. Оба рассматривали проблему через призму процесса формирования *социальной структуры* общества, упорядочения отношений между его элементами. Именно в этом процессе они правомерно усматривали источники стабильности и, напротив, неустойчивости и развития общественных систем. Озадаченные проблемами и возможностями перехода к современному капитализму, они по-разному представляли движущие силы этого процесса в XIX веке.

Маркс рассматривал отношения собственности и положение общественных групп в системе производства в качестве основного критерия распределения благ и формирования классов. Владение собственностью, по Веберу, является важным, но не единственным ресурсом, определяющим возможности индивида на рынке. Образование, профессиональные навыки и другие признанные обществом умения могут влиять на социальный престиж и тем самым определять положение индивида в социальной иерархии, его жизненные шансы в условиях рыночного обмена.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 419-457.

Социальные классы, выделенные по критериям экономического ресурса, ресурса власти и общественного престижа составляли структуру и профиль неравенства капиталистического общества. Классы вытеснили на периферию социального пространства сословные группы, свойственные феодальному обществу. Экономические и технологические изменения способствовали тому, что классовое (экономическое) деление общества заменило статусную стратификацию. Но это не исключало возможности сосуществования с экономическими классами властных и статусных групп.

Согласно Марксу, классы эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетающих и угнетенных были во всех обществах, кроме первобытной общины. Ключевым отличием классов капиталистического общества является их отношение к капиталу – самовозрастающей стоимости. Присвоение прибавочной стоимости собственниками средств производства и отчуждение наемных работников от результатов своего труда ведут к необратимым изменениям в системе социального неравенства: обогащению капиталистов, обнищанию пролетариата и росту классовой борьбы. Именно классовая борьба и диктатура пролетариата обеспечат, по мнению Маркса, становление бесклассового общества и коммунизма, а капитализм станет завершающей вехой в существовании классов.

Теории Маркса и Вебера положили начало двум основным видениям структуры социального неравенства не только в обществе, где до сих пор правит «невидимая рука» рынка, но и в странах, испытавших на себе перипетии социалистического становления. Несмотря на существенные корректировки классических постулатов, последователи марксизма в качестве структурообразующих критериев выдвигают богатство или имущественное неравенство, тогда как веберийцы - престиж и власть. В марксистской традиции отношения между трудом и капиталом в процессе производства, по-прежнему, считаются ведущими в процессе классового образования. В веберийской перспективе, напротив, источник социального неравенства видится в рыночных, а не производственных отношениях. Именно неравный рыночный обмен вследствие социокультурных и властных различий представляется причиной неравных жизненных шансов.

Радикальные общественные изменения побуждают искать иные факторы неравенств. Нарастание существенных изменений в общественном развитии – появление несвойственных раннему капитализму социальных групп и слоев (изменение структуры занятости, рост «новых» классов из числа служащих и профессионалов, включение женщин в рабочую силу и т.д.), с одной стороны, и крах социализма - с другой, ведут к пересмотру и критическому переосмыслению классического наследия.

Оно не способствовало адекватному объяснению феноменов среднего класса в развитых капиталистических странах и социальной поляризации в постсоциалистических. Вопреки прогнозам марксистов капитализм оказался достаточно гибким, чтобы упредить революционный взрыв, тогда как «реальный социализм» потерпел провал в достижении социального равенства на относительно приемлемом уровне общественного благосостояния.

Это дало благодатную почву разработки иных теоретических объяснений социального расслоения, в особенности под углом зрения перехода обществ в наступающую (наступившую) глобальную, (информационную, постиндустриальную, технотронную и т.д.) цивилизацию

Новые взгляды на проблему. Технологические инновации и экономический рост, по мнению ряда исследователей (например, Г. Эспинг-Андерсен), не являются источниками социальных изменений. Скорее институциональные фильтры - определенные институты развитого капиталистического, равно как и социалистического обществ - управляют социальными изменениями и структурированием неравенства. Социальное государство (государство всеобщего благоденствия), коллективная система договоров, всеобщее

образование и т.п. институты вряд ли существовали на заре индустриализации². К разряду новых приобретений можно отнести и такие институты социалистических стран, как сетевые и административные каналы распределения благ и привилегий. Именно действие данных институтов обуславливает структуры неравенства современных обществ.

Другим мощным фактором структурных изменений становится *практические действия населения в рамках сложившихся социальных институтов* [4, 5, 6, 12]³. Появляются новые оси социального деления. В развитом капиталистическом обществе – это контроль за научным знанием и средствами информации⁴, контроль в сфере культуры⁵, опыт автономного действия⁶, контроль за профессиональными и организационными ресурсами⁷. В постсоциалистических странах – это степень адаптации к изменениям системы [4, с. 16] или контроль востребованных трансформирующейся системой ресурсов (сетевых, административных).

Наряду с экономическими основаниями социального расслоения актуализируются и набирают силу культурные основания, такие как человеческий капитал, знания и опыт, контроль за информацией и многообразными сетями взаимосвязей [6].

1.2. Какие теории более адекватны пониманию и объяснению посткоммунистических трансформаций?

Разные теоретические подходы обладают и преимуществами и недостатками, взаимодополняя друг друга. Ответ на вопрос мы предлагаем в заключении раздела.

Общая направленность изменений. Во всех постсоциалистических странах ломка прежних систем социального расслоения имеет в принципе одну направленность – формирование разноресурсных групп, обладающих далеко не равными возможностями адаптации к рыночным условиям и энергичного освоения этих новых возможностей.

В этих обществах создаются новые институты, связанные с введением частной собственности и развитием предпринимательства. Ломается прежняя система распределения социальных гарантий и благ. На ее месте формируется «слабая» система социальной защиты, ориентированная на поддержку наиболее нуждающихся. Меняется структура занятости: появляется рынок труда и безработица, происходит реструктуризация промышленности, как и в развитых капиталистических странах, растет частный сектор и сфера услуг. Одновременно сосуществуют рыночный и государственный сектор производства. Нисходящая социальная мобильность широких слоев населения ведет к распространению бедности на работающее

² Esping-Andersen G. Post-Industrial Class Structures: An Analytical Framework // Changing classes: Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies. Ed. By G. Esping-Andersen. L.: Sage, 1993.

³ См. так же: Ядов В. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310-318; Черныш М.Ф. Социальная дифференциация в современном обществе: множественность форм // Там же. С. 77-89; Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Там же. С. 104-122.

⁴ Bell D. The Cultural Contradiction of Capitalism. N.Y., 1976.

⁵ Gouldner A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. N.Y.: Continuum Publ. Com., 1979.

⁶ Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press, 1980.

⁷ Write E.D. Classes. L.: Verso, 1985.

население. Возникает социальная поляризация – концентрация богатства и бедности на разных полюсах общественного устройства.

С одной стороны, ситуация напоминает реалии, описанные классиками на заре капитализма, а с другой – явно отличается от нее фрагментацией социального действия.

Поиски концептуального объяснения социально-структурных изменений в положении различных групп населения велись (и еще ведутся) в трех основных направлениях: стратификационном, классовом и деятельностно-активистском. Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и недостатки, которые мы и рассмотрим далее.

Стратификационный подход: фрагментация социального неравенства. Состояние «динамического хаоса» (по И. Пригожину) оказалось в центре внимания тех исследователей, которые стремились постичь в нем некий порядок и поначалу обратились к стратификационным концепциям⁸. Обращение к этой парадигме социального расслоения было во многом спровоцировано неясностью социальных тенденций, подвижностью структур, отсутствием сколь-нибудь прочной базы для коллективного действия, и, как следствие, сложностью выделения единых и значимых критериев дифференциации.

Однако стратификационный подход, который диктуется концепцией модернизации («запаздывающей модернизацией», по Н. Наумовой), мы более детально рассмотрим ниже.

Возврат к теориям классов. В русле марксистских теорий классы могут быть кратко определены как общие позиции в рамках экономических, производственных отношений⁹. С этим предельно общим определением соглашаются практически все марксисты. Существенной характеристикой классов являются именно отношения господства и подчинения. Отсюда акцент на проблемы эксплуатации и конфликта.

В рамках вебериянской традиции основанием классового деления также выступает наличие или отсутствие собственности. Однако отношения собственности порождают особую форму властного потенциала (ресурса) классов, их возможностей устанавливать свои правила на рынке труда. При этом в неомарксистских концепциях¹⁰ антагонизм между буржуазией и пролетариатом разрешается путем противоборства их "жизненных шансов", "рыночной позиции" и вплоть до "стиля жизни". Властные различия на рынке труда порождают особые возможности, условия жизни и жизненные ожидания. Люди, занимающие сходные классовые позиции, рассматриваются как имеющие примерно равные способности для реализации жизненных шансов.

Среди отечественных исследователей не так много авторов, придерживающихся классового подхода. Сказалось дистанцирование от марксистского наследия и идеологии научного

⁸ Сущность стратификации заключается в распределении людей по социальным позициям, которые оцениваются как находящиеся «выше» или «ниже» по нормативной шкале, т.е. ранжируются по степени социального престижа. Впервые подобное толкование социальной стратификации предложил известный американский социолог У. Уорнер, автор знаменитого исследования «Янки-сити» (См.: Смелсер Н. Социология. М.: Феникс, 1998. С. 284.). В строгом смысле под стратой следует понимать определенный социальный срез или слой, выделяемый по одному параметру – доход, собственность, образование и т.п.

⁹ 20. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. 2000. № 15. С. 38.

¹⁰ Кларк С. Классовая структура России в переходный период // Рубеж. 1997. № 10-11. С. 66-86; Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. 2000. № 15. С. 36-85; Wright E.O. Class Counts. Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

коммунизма. Западные исследователи проявляют больший интерес и настойчивость в следовании марксизму при анализе посткоммунистических трансформаций.

Приведем результаты двух наиболее известных проектов. Один из них – сравнительное российско-американское исследование классовой структуры и классового сознания, проведенное в 1991 и 1994 годах под руководством Эрика Райта [8]. Второе – исследование классовой дифференциации российских домохозяйств, реализуемое в России с 1999 года под руководством другого известного американского социолога-марксиста – Майкла Буравого [10].

В первом проекте исходной теоретической посылкой было представление о государственном социализме как классовой системе, где номенклатура присваивала прибавочный продукт, командуя системой государственного (а не капиталистического) производства [8, с. 147]. По мнению Э. Райта, развитие классовой структуры бывшего Советского Союза идет в направлении формирования новых, прокапиталистических классов. Мелкая буржуазия (частные предприниматели) и высокооплачиваемые специалисты, осуществляющие контроль и имеющие высокий уровень квалификации и образования (прообраз западного среднего класса) составляют костяк новых классов. Последние сосуществуют со старыми эксплуататорскими классами, чья власть основывалась на государственном контроле. Гибрид двух классовых систем, равно как симбиоз государственного и капиталистического способов производства предстает перспективой трансформации классовой структуры в России. В гармоничном смещении этих двух составляющих видится источник будущей стабильности в России: «...одна из причин неудач советской экономики состоит в том, что она была чисто этатистской. Смешанный этатизм смог бы выжить более успешно, чем чистый этатизм... Но очень трудно представить, как в обозримом будущем существующая в России экономика избавится от сильных этатистских элементов» [8, с. 151].

С аналогичных позиций рассматривают классы авторы второго исследовательского проекта. Они тоже считают классовую систему в сегодняшней России гибридом двух систем: государственного социализма и российского варианта капитализма. В России сформировался класс капиталистов, контролирующей огромную часть основных фондов и создаваемого продукта. Но этот класс сосредоточен преимущественно в центре, а на местах класс новых собственников в большинстве случаев совпадает с руководителями бывших государственных предприятий. Класс служащих по-прежнему выступает агентом, а не регулятором формирующейся рыночной экономики. Класс «самозанятых» остается подавленным государством-монополистом [10, с. 53]. Что касается прогнозов, то они не радужны: пока мало примеров позитивного совмещения двух классовых систем, способствующих развитию, а не замыканию общества в самом себе.

Веберовское крыло классовой теории российских проблем еще менее представлено в отечественной литературе. Однако вполне успешную и изящную попытку такого анализа предпринял В. Радаев при изучении класса предпринимателей ([ССЫЛКА](#)). Самое трудное в этом подходе - операционализировать, т.е. выразить в эмпирически фиксируемых признаках, веберовский параметр «престижа» классовой структуры. В. Радаев нашел нетривиальное решение: «Многие бы стремились занять Ваше место по работе, по службе?»

Деятельностная парадигма: основания солидарного действия. Перспективное и продуктивное направление в понимании технологии изменений социальной структуры - деятельностно-активистский подход. Основное внимание здесь сосредоточено на выявлении солидарных групп, которые не просто представляли бы собой слои, выделенные по различным критериям, а реальную социальную силу. Значимость действий коллективных субъектов стала особенно очевидной во времена перемен. Оказалось, что структуры меняются во взаимодействии с реактивным поведением людей: изменение условий жизнедеятельности

отражается в реакции населения, которая в свою очередь направляет изменение внешней среды. Так, совершенно неожиданным для российских реформаторов стал феномен «скрытой безработицы» - сохранение трудового коллектива с помощью административных отпусков или неполной занятости в условиях экономического кризиса. Вместо сокращения избыточной численности и повышения рентабельности производства работодатели и наемные работники консервировали «советский способ производства», сопротивлялись рыночным нововведениям: каждая сторона при этом преследовала свои интересы.

Так, исследование солидаризационных тенденций в среде российских рабочих¹¹ обнаружило разные коллективистские формы солидаризации советского типа, где в состав коллектива предприятия включена и вся администрация, и зарождающиеся элементы солидаризации наемных работников, противопоставляющих свои интересы интересам работодателя.

Иными словами классы наемных работников и буржуазии в качестве субъектов осознающих свои особые интересы, в России еще не сложились, а отсюда вывод: до марксистского анализа классовой структуры российское общество не созрело [5]¹².

Интенсивно развивает деятельностно-активистский подход при анализе социальных неравенств Т.И. Заславская (свою концепцию она называет даеятельностью-структурной теорией трансформационного процесса [4, 12]. Структуру трансформаций образуют субъекты и группы, вызывающие сдвиги в базовых общественных институтах. Выделяются три типа основных социальных субъектов, использующих разные стратегии трансформационной активности: (а) целенаправленное реформирование, (б) практическая инновационно-предпринимательская деятельность, (в) адаптационное и реактивно-протестное поведение. Соответственно, выделяется такие макросубъекты, как элита, профессионалы и население. В вертикальной проекции трансформационной структуры располагаются правящий (элитный), верхний (субэлитный), средний, базовый и нижний слой, а также социальное дно [4, с. 22-27]. В результате социальная иерархия современного российского общества выглядит следующим образом:

- *элита* – правящая политическая и экономическая – до 0,5 %;
- *верхний слой* – крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий, другие субэлитные группы – 6,5 %;
- *средний слой* – представители мелкого бизнеса, квалифицированные профессионалы, среднее звено управления, офицеры – 20,0 %;
- *базовый слой* – рядовые специалисты, помощники специалистов, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса – 60,0 %;
- *нижний слой* – малоквалифицированные и неквалифицированные работники, временно безработные – 7,0 %;
- *социальное дно* – до 5,0 %¹³.

¹¹ Солидаризация в рабочей среде / Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998.

¹² См. так же: Ядов В. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310-318.

¹³ Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5-22.

Данная модель была предложена только для занятого населения и не учитывает значительной доли неработающих пенсионеров и инвалидов. Сложности эмпирической верификации теоретических выкладок снижают их познавательный потенциал.

Применение теории П. Бурдьё. Одно из направлений деятельностного подхода связано с теорией П. Бурдьё [1]. Эту концепцию активно использует и Н. Шматко, которая не употребляет понятия класса, но пишет о «пространстве социальных различий, на основе которых могут возникать все виды практических групп – исторически определенных коллективных агентов, мобилизованных для совместной борьбы и обладающих единством действий»¹⁴. В таком понимании разграничиваются группы, имеющие своих публичных представителей («вождей»). Именно они конструируют в сознании соответствующих групп образ солидаризации, побуждая к коллективному действию, и они же демонстрируют обществу «реальность» таковых групп, исполняя функцию посредников (авторы называют их заместителями самих социальных групп в общественном восприятии).

Сконструированная социальная группа отличается от реальной тем, что ««мобилизована» для действия, способна к коллективным практикам, в том числе политического и символического представительства. Публичное представление социальной группы в качестве «субъекта исторического действия» на деле скрывает область практик, в которой «заместителю» приходится активно действовать»¹⁵. Примечательно, что характер связи между заместителями и позициями зависит от объема капиталов (ресурсов) доверителей: чем меньшим объемом капиталов обладают доверители, тем более самостоятельны доверенные лица.

В том же «бурдьёвистском» направлении рассматривает динамику социального расслоения В. Ильин [5], который также придает решающее значение механизмам становления общественных групп и слоев практическими субъектами общественных преобразований.

Группа венгерских социологов во главе с *Иваном Селени* [14], анализируя данные по странам Центральной и Восточной Европы, приходят к выводу, что в этих странах, равно как и в государствах бывшего Советского Союза, включая Россию, формируется «капитализм без капиталистов». Авторы в своем анализе стремятся совместить марксистский анализ с концепцией П. Бурдьё.

Современная стратегия перехода к рыночной экономике в пост-коммунистических странах состоит в том, что накопление капитала и появление собственников не было связано с появлением рыночных институтов, т.е. капиталисты существуют без капитализма. Ранее накопленный ресурс власти, престижа и привилегий (культурный капитал, по Бурдьё) стал для бывшей номенклатуры источником его конвертации в капитал экономический. Авторы описывают социализм как сословное общество, трансформация которого в типично классовое капиталистическое общество происходит именно путем конвертации обесценивающихся форм социального ресурса в более эффективные формы финансового капитала.

В целом же, классовое образование в пост-коммунистических странах, с точки зрения Селени и его коллег, – это противоречивый процесс, когда класс собственников формируется из разнообразных источников: бывшая и новая элита, иностранные инвесторы, предприниматели.

¹⁴ Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 106.

¹⁵ Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 114.

Концепция «эмерджентности» возникновения неожиданных критериев социального неравенства Д. Блау. Блау обратил внимание на то, что в разных претерпевающих трансформации посткоммунистических странах «неожиданным» образом появляются социально-дифференцирующие факторы, каковые ни одной из известных теории не могли быть предсказаны. Они - продукт социально-исторических особенностей данных обществ. Развивая этот подход, М. Черныш замечает, что эмерджентные факторы это - «внешние, структурообразующие признаки, которые в разные моменты могут «вклиниваться» в производство социального неравенства». Например, речь может идти о некоторой группе признаков, которые выступают как независимые переменные и детерминируют другие признаки, характеризующие социальный статус индивидов и больших групп населения. В российском контексте к таковым М. Черныш относит территориальное деление (столичные и провинциальные города), различия по поколениям, включенность в глобальное информационное пространство и вообще меру доступности информации, т.е. в информационные сети¹⁶.

Такая исследовательская стратегия также нацелена на выявление реальных субъектов коллективного действия, коль скоро обладающие тем или иным эмерджентным свойством склонны к групповой идентификации – начальной стадии возможных коллективных акций.

Итак, разнообразие теоретических концепций относительно появления новых форм социального неравенства в посткоммунистических обществах – это прежде всего продукт осмысления принципиально новой социальной реальности, аналогов которой история человечества не знала. Нельзя уверенно утверждать, что один из описанных подходов наиболее приемлем. Все они в определенном смысле дополняют друг друга. Пока социальное расслоение не институционализировалось, ни классовая, ни стратификационная теории в их классическом истолковании не могут быть адекватными для анализа социальных изменений. Более приемлемыми представляется деятельностно-активистские концепции. Более того, глобализационные тенденции выдвигают на первый план сетевые структуры социальных неравенств. Но, в то же время стабилизация социального расслоения, в частности, на владельцев средств производства и работников наемного труда определенно реанимирует классовый подход. Не в том, марксовом смысле, что борьба классов неизбежно завершается социальной революцией, а в том, что осознающие свои особые интересы классы будут искать (и уже стремятся к этому) приемлемые формы партнерства с неизбежными в таком случае взаимными уступками.

Стратификационная модель, как мы покажем ниже, лучше описывает нынешнее состояние общества, где одни выигрывают от реформ, а другие – большинство – пока что скорее проигрывают. Теории социального расслоения в наше время претерпевают «бум» интеллектуальных поисков.

Тема 2. Модернизация социальной структуры или маргинализация населения?

В теории «догоняющей» модернизации постулируется обязательность двух этапов трансформации общества. Основными критериями являются появление (1) среднего класса, как особой питательной среды, обеспечивающей восходящую социальную мобильность социальных субъектов модернизации, и (2) динамические показатели дифференциации доходов.

¹⁶ Черныш М.Ф. Социальная дифференциация в современном обществе: множественность форм // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 82-83.

Неудача модернизационной трансформации оборачивается деградацией общества и маргинализацией масс населения.

Во всех постсоциалистических странах ломка прежних систем социального расслоения началась с реформации политического устройства, и только затем - создания новых институтов, связанных с введением частной собственности и развитием предпринимательства. На месте прежней системы распределения социальных гарантий и благ стала формироваться «слабая» система социальной защиты, ориентированная на поддержку наиболее нуждающихся. Реструктуризация промышленности, рост частного сектора, усиление действия рыночных механизмов производства и распределения при ослаблении государственного регулирования изменили структуру занятости.

2.1. Социальная структура переходного периода неизбежно продуцирует неопределенность общественного статуса

Переходный период российского общества на заре перестройки связывался с процессом модернизации, с вхождением России в число цивилизованных, индустриально развитых стран, со структурным обновлением экономики и общества в целом в соответствии с мировым развитием индустриальных и информационных технологий. Завершение перехода должен был ознаменовать «выход на новый уровень устойчивого экономического роста, стабилизацию социальных и политических структур»¹⁷.

Средний класс и его общественные функции в модернизирующемся обществе. Одним из главных показателей завершения перехода считалось появление среднего класса, которого в СССР по разным оценкам либо не было, либо он был слабым.

В рамках модернизационного подхода полагается аксиомой, что многочисленный средний класс – это главный социальный субъект – модернизации. Именно он обеспечивает инновационность производства и экономический рост, становясь необходимой социальной опорой для поддержания политической стабильности и законности в обществе. «Формируется он путем не индивидуальной, а *слоевой вертикальной мобильности*. Поэтому задача социальной политики в модернизирующемся обществе – выравнивать возможности, расширять круг людей, имеющих действительно равные социально-экономические шансы» [13, с. 40–41].

В начале трансформационного периода в отечественной литературе средний класс чаще всего определяли по «средним» для западного общества доходам (не бедные, но и не миллионеры) и по относительно высоким для советского человека стандартам потребления и имущественного положения. Например, отмечалось, что «во всем мире считается атрибутом среднего класса» «полный комплект из квартиры (дома), современной обстановки жилья, машины, во многих случаях второго дома (дачи)». По этим показателям численность «среднего класса» в СССР оценивалась на уровне 11,2 %, тогда как в большинстве развитых стран Запада средний класс составлял 50–70 %¹⁸. Согласно более оптимистическим оценкам доля «среднего класса» в СССР не превышала 20–30 или даже 15 %¹⁹.

Различия структуры населения по доходам в СССР и на Западе хорошо демонстрируется графически. В СССР она представляла собой треугольник, или пирамиду, покоящийся на

¹⁷ Наумова Н. Переходный период: Мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8. С. 3–14.

¹⁸ Зайченко А. Имущественное неравенство // АиФ. 1989. № 27. С. 5. Представления «советского человека» о состоятельности включали пресловутые «квартиру, машину, дачу».

¹⁹ Наумова Н. Переходный период: Мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8. С. 9.

широком основании – большинство с низкими доходами – и заостренной вершиной – малочисленные сверхбогатые элиты. В странах Запада структура доходов похожа на ромб, широкая часть которого соответствует большинству населения со средними доходами, а заострения кверху и к низу – относительно малочисленным группам очень богатых и очень бедных.

В своей политической функции обеспеченное большинство вытесняет на периферию радикальные и экстремистские течения. Но основная социальная роль среднего класса состоит в его высокой экономической и социальной активности, базирующейся на, образованности, высокой квалификации и законопослушности.

В советском «среднем классе» численно преобладали высокооплачиваемые рабочие тяжелого и вредного труда и партийно-административные работники, т.е. те, кто фактически непосредственно с инновационной экономической активностью связаны не были. Кроме того наиболее влиятельная его часть превратилась в закрытый, самовоспроизводящий привилегированный слой. По своей численности, квалификации и социальной роли те, кого можно было бы отнести к «среднему классу», были лишены возможностей для вертикальной социальной мобильности.

По теории Н. Наумовой о «запаздывающей модернизации»²⁰ переход к социальной структуре с доминированием среднего класса должен проходить в два этапа.

Первый этап связан с реструктуризацией экономики и с усилением дифференциации за счет усиления стихийных механизмов распределения социальных благ ради накопления капитала, от которого ждут инвестиций на обновление производств и, в конечном счете, экономического роста. Здесь с необходимостью происходит замораживание заработной платы, пенсий, социальных пособий, рост инфляции и безработицы, сокращение финансирования социальной сферы. Дифференциация происходит неконтролируемо, так как государственное регулирование может помешать процессу накопления и реструктуризации экономики.

Наступление второго этапа должно ознаменовать положительные результаты социально-экономических и политических реформ. Хотя бы минимальный рост ВВП должен сопровождаться снижением дифференциации, поскольку продолжающийся рост неравенства начинает выступать политически дестабилизирующим фактором и отрицательно влияет на экономическую эффективность, тормозит воспроизводство высококвалифицированной рабочей силы. На втором этапе повышается роль активной социальной политики государства, которая должна быть направлена на более равномерное распределение доходов и формирование среднего класса: высококвалифицированных и потому высокооплачиваемых рабочих, мелкого и среднего производительного бизнеса и профессионалов. При этом в структурах государственного управления должно возрасть влияние и представительство партий социалистического или социал-демократического толка, выражающих интересы этого формирующегося класса.

Еще на заре «перестройки» Н.Ф. Наумова предупреждала: «Если на исходе переходного периода не пробивает дорогу естественная и необходимая тенденция к расширению среднего класса и снижению дифференциации по доходам – возникает «иррационально-модернизированное» общество, экономически неэффективное и (или) социально нестабильное»²¹.

²⁰ Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5-22.

²¹ Наумова Н. Переходный период: Мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8. С. 9–10.

Мировой опыт показывает, что «в модернизирующемся «вдогонку» обществе элита отличается нерациональным, негибким поведением, продиктованным неодолимым стремлением к быстрому обогащению любой ценой, любыми средствами», возникает «синдром временщика». Он проявляется в нежелании и абсолютной неспособности «делиться» открывающимися возможностями и ожидаемыми доходами с менее преуспевающими, в блокировании перераспределительной политики, столь необходимой в кризисной ситуации. Подобное поведение элиты неизбежно создает широкое поле корыстных, коррумпированных, криминальных отношений [13, с. 35].

Возникает вопрос: можно ли произошедшие в 1990-е гг. социально-структурные изменения в российском обществе считать модернизацией? И другой вопрос: достаточен ли 10-летний период для глубокой модернизации?

С. Кузнец на материале многих статистических наблюдений по различным странам, пережившим процессы «капиталистической» модернизации, фиксировал, что на первом этапе социальное неравенство нарастает по мере экономического роста, а затем снижается до определенного уровня и остается неизменным²². При общих тенденциях страны различаются по степени интенсивности и долговременности выравнивания доходов. В этих расчетах показано, что модернизация социально-имущественной структуры населения может длиться десятилетиями, и не совсем понятно, есть ли надежда на ускорение процесса.

2.2. Маргинализация социальных слоев как следствие затянувшейся модернизации

Понятие «маргинальность» ввел в научный оборот Роберт Парк для обозначения положения индивидов, находящихся на границе двух различных конфликтующих между собой культур в ситуациях, связанных с миграцией, смешением этносов²³. Э. Хьюз положил начало рассмотрению маргинальности как продукта не только расовой и культурной, но и социальной мобильности, распространив его на все ситуации, где имеет место самоидентификация с различными социальными статусами или референтными группами, но не полностью, а частично, из-за чего целиком не принимается ни одна из групп. Такая ситуация характерна для всякого перехода индивида или группы из одного статуса в другой²⁴. Расширение трактовки понятия привело к появлению множества разнообразных исследований и теоретических разработок в зарубежной и отечественной социологии²⁵.

Полномасштабная трансформация общества рождает ощущение всеобщего хаоса, потому что трудно понять и принять какую-то единую логику изменений, когда прежние критерии межгруппового сравнения перестают работать. С одной стороны, имеет место абсолютное повышение жизненного уровня немногих, с другой – относительное и даже абсолютное обеднение многих²⁶. Создается ситуация, аналогичная той, что нарисована классиком в поэме «Кому на Руси жить хорошо?» – плохо всем. Неясность того, где проходит столбовая дорога трансформаций, порождает ощущение отброшенности на обочину, т.е. маргинальности.

²² Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1953. Vol. 45. № 1. P. 22.

²³ Park R.E. Human Migration and the Marginal Man // AJS. 1928. Vol. 33. № 6. P. 881–893.

²⁴ Hughes E.C. Social Change and Status Protest: An Essay on the Marginal Man // Phylon. 1945. Vol. 10. № 1. P. 59–65.

²⁵ Обзор см.: Попова И.П. Маргинальность: Социологический анализ / МГСУ. М., 1996. С. 7–32.

²⁶ Гордон Л.А. Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // ОНС. 2001. № 3. С. 5.

На эту тему в отечественной литературе существуют противоположные взгляды. Некоторые авторы писали о маргинализации всего населения, включая элитные группы²⁷ и о том, что «маргинализация» и «маргинальный человек» суть «социальный миф» и «социологическая фикция»²⁸.

И.П. Попова предложило следующее определение: «маргинальность – состояние групп и индивидов в ситуации, которая вынуждает их под влиянием внешних факторов, связанных с резким социально-экономическим и социокультурным реструктурированием общества в целом, изменять свое социальное положение и приводит к существенному изменению или к утрате прежнего социального статуса, социальных связей, социальной среды, а также системы ценностных ориентаций»²⁹.

Здесь две трактовки понятия. Во-первых, маргинальным определяют состояние группы (или индивида), находящейся в процессе изменения своего статуса (динамическая маргинальность). Во-вторых, к маргинальным относят социальные группы, которые находятся в окраинном или изолированном положении в социальной структуре, вследствие чего их представители лишаются привычных социальных гарантий и прав (структурная маргинальность ограниченности доступа к социальным ресурсам)³⁰.

Первая трактовка не мешает отнести к маргиналам абсолютно всех, включая элиты, если признать, что в обществе происходят кардинальные изменения в социальной структуре³¹. Здесь маргинализация – нормальное состояние переходного периода и имеет свой временной предел, а именно – начало кристаллизации новой социальной структуры.

Вторая трактовка предполагает поиск устойчивых групп с «окраинным или изолированным» положением в социальной структуре или даже за ее пределами. Для рассмотрения социоструктурной динамики в этом ракурсе маргиналами выступают безработные и бедные слои населения.

Эмпирические доказательства маргинализации. Приватизация государственных предприятий была одним из ключевых моментов модернизации российской экономики и социальной структуры за счет появления слоя собственников. Это было необходимо потому, что государство как субъект экономической деятельности по своей эффективности проигрывает частному предпринимателю, лишённому патерналистских и иждивенческих установок, а потому более склонному к инновационности, столь необходимой в эпоху научно-технического прогресса.

К 1996 г. сложились новые пропорции занятых в экономике по формам собственности; обозначились и новые тенденции их изменения (*Таблица 1*). Начиная с 1998 г. больше всего занято в частном секторе, и их доля продолжает устойчиво расти: с 35,6 % в 1996 г. до 46,2 % в 2000 г. Параллельно снижается доля занятых на государственных и муниципальных предприятиях.

Таблица 1

²⁷ См. напр.: Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социс. 1999. № 7. С. 62; Стариков Е. Социальная структура переходного общества (опыт инвентаризации) // Полис. 1993. № 6. С. 88.

²⁸ Mancini B.J. No Owner of Soil: The Concept of Marginality revisited on Its Sixtieth Birthday // International Review of Modern Sociology. New Delhi. 1988. Vol. 18. № 2. P. 183.

²⁹ Попова И.П. Маргинальность: Социологический анализ / МГСУ. М., 1996. С. 31.

³⁰ Попова И.П. Маргинальность: Социологический анализ / МГСУ. М., 1996. С. 37–41.

³¹ Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социс. 1999. № 7. С. 66–67.

Среднегодовая доля занятых в экономике по формам собственности, %

Формы собственности	1980	1985	1990	1996	1997	1998	1999	2000
Государств. и муниципальная	90,3	91,1	82,6	42,0	40,0	38,1	38,1	37,9
Частная	9,7	8,9	12,5	35,6	39,9	43,3	44,2	46,2
Смешанная российская			4,0	20,9	18,4	16,5	15,0	12,4
Общественных организаций			0,8	0,6	0,6	0,6	0,8	0,8
Иностранная, совместная российская и иностранная			0,1	0,9	1,1	1,6	1,9	2,6

Рассчитано по: Социальное положение и уровень жизни населения России / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 69.

К исходу 90-х в России появилась принципиально новая элита, принявшая форму «олигархической структуры власти финансово-политических группировок»³², в которые входят собственники и «топ-менеджеры» крупнейших корпораций, контролирующие крупные финансовые потоки представители власти, а также владельцы и высшее руководство средств массовой информации. Сосредоточение в одних руках экономических, властных и информационных ресурсов воспроизводится и на региональном уровне.

Насколько новый «принцип рекрутирования элит из сообщества политико-финансовых империй»³³ кардинально отличается от «номенклатурного», или «служилого» принципа элитообразования, свойственного этакратическому советскому режиму³⁴, однозначно ответить сложно. Во всяком случае, новые элиты, как и советские, пока не смогли обеспечить эффективное развитие экономики, оставаясь «в рамках своих узких интересов»³⁵. Однако, несомненно, в результате приватизации собственность перестала быть обезличенной, и у формирующихся элит уже сложились личные интересы и жизнестилевые характеристики, принципиально отличные от советских времен.

Российские предприниматели как прототип среднего класса. В 2000 году в России 9 из 10 трудящихся граждан работали по найму; самозанятые вместе с работодателями (т.е. кто не является наемным работником) составляли 8 % с преобладанием самозанятых. Обе эти категории в 1998 г. составляли всего лишь 4,1 %³⁶. Официальные данные говорят о том, что 90 % работающего населения по-прежнему могут быть отнесены к классу «управляемых», и по этому критерию социальная структура современного российского общества не выглядит сложнее советской.

Неустойчивость и неопределенность социального статуса предпринимателей и представителей «новых профессий», особенно в начале 1990-х гг., приводили к тому, что наиболее экономически активная часть населения, в том числе пережившая стремительную восходящую мобильность, испытывала «комплекс изолированности» от отсутствия устойчивых социальных связей³⁷. По характеру происхождения богатства, опасности условий

³² Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001. С. 42.

³³ Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001. С. 42.

³⁴ Гаман-Галутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 1998. С. 340.

³⁵ Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001. С. 42.

³⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 68.

³⁷ См., напр.: Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80–90-е гг.) // Социс. 1995. № 5. С. 13–14.

существования, по неустойчивости и нелегитимности социального положения к маргиналам относили даже «новых русских»³⁸.

Однако в последнее время набирает силу движение к легитимации и институционализации бизнеса, что должно повысить устойчивость социального положения крупного бизнеса, в том числе и «силового» предпринимательства³⁹. Не исключено, что это обстоятельство придаст устойчивость положению и более многочисленных представителей малого и среднего бизнеса, самозанятого населения, снизит риски, укрепит их оптимизм в отношении социального восхождения и возможности самореализации.

Вместе с тем, если верить официальной статистике, занятие предпринимательством в нынешней России не гарантирует приобщения к среднему классу по доходам. От трети до четверти занятых предпринимательской деятельностью в 1996–98 гг. имели доход ниже прожиточного минимума, и от 15,6 до 6,0 % относились к категории «крайне бедных» (Таблица 3).

Произошло перераспределение рабочей силы между отраслями. По данным Госкомстата РФ, уменьшилась и стабилизировалась (в 1995 г.), доля занятых на транспорте и в системе связи (в 1998 г.) – в промышленности, строительстве и науке. Увеличилась и стабилизировалась (в 1995 г.), доля занятых в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении (в 1997–8 гг.) – в торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве, сфере бытовых услуг и в аппарате управления. В то же время, за 20 лет (с 1980 г.) доля занятых в сельском хозяйстве сократилась всего на 2 % и до сих пор превышает аналогичные показатели индустриально развитых стран. (Таблица 2).

Таблица 2
Среднегодовая численность занятых в экономике по отраслям, %

	1980 ¹	1985 ^{1,2}	1990 ¹	1995 ²	1996 ²	1998 ²	2000 ²	2001 ²	
Промышленность	32,5	32,2	30,3	25,8	24,8	22,2	22,6	22,5	-
Сельское и лесное хозяйство	15,0	14,3	13,2	15,1	14,8	14,1	13,4	13,0	-
Строительство	9,6	9,4	12,0	9,3	8,9	7,9	7,8	7,6	-
Транспорт и связь	9,6	9,8	7,7	7,9	7,9	7,6	7,8	7,9	-
Торговля, питание, материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки	8,3	8,3	7,8	10,1	10,3	14,5	14,6	14,9	+
Жилищно-коммунальное хозяйство; непроизводственные виды бытового обслуживания населения и услуги населению	3,9	4,1	4,3	4,5	4,9	5,4	5,2	5,2	+
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	4,8	5,0	5,6	6,7	6,9	7,0	7,0	7,0	+
Образование, культура и искусство	8,2	8,5	9,6	11,0	11,1	11,1	10,9	10,8	+
Наука и научное обслуживание	4,1	4,1	3,7	2,5	2,3	2,0	1,9	1,9	-
Кредитование, финансы,	0,5	0,5	0,5	1,2	1,2	1,1	1,2	1,2	+

³⁸ Известия. 1995. № 104. 27 декабря. С. 7.

³⁹ Радаев В.В. Легализация российского бизнеса как институциональная проблема // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: МВШСЭН, 2002. С. 95–108; Волков В.В. От преступных группировок к региональным бизнес-группам // Там же. С. 108–120.

страхование									
Аппарат органов управления	1,8	1,9	2,4	2,9	4,0	4,4	4,5	4,5	+
Другие отрасли	1,7	1,8	2,9	3,0	3,3	2,7	3,1	3,5	+
Всего занято в экономике (тыс. чел.)	73275	74900	75325	66409	65950	63642	64327	65000	

¹ Социальная сфера России: Статистический сборник / Госкомстат РФ. М., 1996. С. 32.

² Россия в цифрах 2002: Краткий статистический сборник / Госкомстат РФ. М., 2002. С. 69, 80–81.

Таким образом, произошло перераспределение рабочей силы из производственных в непроизводственные отрасли экономики, что по общему направлению совпадает с процессами в развитых странах. Казалось бы, преодолевается одна из серьезнейших диспропорций командно-административной системы недопустимо низкий уровень развития сферы услуг: торговли, социальной инфраструктуры и, что особенно важно, секторов, обслуживающих функционирование рынка – кредитование, финансирование, страхование, операции с недвижимым имуществом и общая коммерческая деятельность по обеспечению рынка.

Однако некоторые авторы оценивают этот процесс неоднозначно⁴⁰. С одной стороны, по сравнению с 1980 г. заметно возросла занятость в торговле (почти в 1,8 раза) и в финансово-кредитной сфере «новых услуг» (в 2,4 раза), формирующейся на базе новых технологий и предоставляющей, таким образом, высокооплачиваемые и квалифицированные рабочие места (см. таблицу 2). В 1990 г. доля сферы услуг в ВВП составляла не более 35 %, а в 1997 г. достигла 55,2 % (правда в 2000 г. снизилась до 47,2 %⁴¹). С другой, за указанными изменениями стоит не увеличение доли реально созданного продукта, а ускоренная динамика цен на услуги. Дефицитность этого вида услуг ставит работников сферы в привилегированное положение, свойственное советскому «среднему классу».

Определенно негативной оценки заслуживает деформация в отраслевой структуре промышленности. Сырьевой сектор, по-прежнему, занимает ведущие позиции, оставаясь бюджетообразующим. Изучение экономических показателей 200 крупнейших предприятий России в 1999 г. обнаружило, что 18 из 20 компаний с наибольшими объемами проданной продукции относятся к сырьевым (топливно-энергетическому комплексу и металлургии) и только 2 – к машиностроению. На международном уровне дело обстоит совершенно иначе. Из списка 500 крупнейших корпораций мира половину в ведущей двадцатке занимали корпорации, занимающиеся преимущественно машиностроением⁴².

Как показывает мировая практика, особые технические и социальные характеристики сырьевого бизнеса делают почти невозможным развитие под его контролем инновационных видов производства⁴³.

Таким образом, по своей отраслевой структуре Россия остается маргинальной

⁴⁰ Суслов Н.И. Структурные проблемы российской экономики // проблемы, успехи и трудности переходной экономики (Опыт России и Беларуси). М.: МОНФ, 2000. С. 30–31.

⁴¹ Россия в цифрах: Краткий статистический сборник / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 148.

⁴² Эксперт. 1999. 27 сент. С. 46.

⁴³ Примером могут служить многолетние неудачные попытки крупнейшей американской нефтяной компании «Эксон» освоить производство компьютерной техники. «Нефтяным менеджерам» эффективно управиться с миллиардными инвестициями помешал, как минимум, приобретенный ими опыт «силовой», не восприимчивой к инновациям снизу организационной культуры.

экономической державой.

Качество рабочей силы и появление высокооплачиваемых рабочих мест. Реструктуризация экономики, особенно на начальном этапе, приводила не только к восходящей мобильности. Целый ряд профессиональных групп существенно сократился в численности, поскольку их представители были вынуждены сменить свой социально-профессиональный статус. Чаще имела место нисходящая мобильность: переход в более низкую профессиональную группу либо полная потеря квалификации и/или снижение дохода. Это коснулось, прежде всего, предприятий ВПК, конверсия которых сопровождалась массовым высвобождением квалифицированных кадров и переходом на выпуск более простой (и даже технологически примитивной, например, разлив пива или выпуск жевательной резинки) продукции⁴⁴.

При этом резко сократилось число занятых выпуском сложной продукции гражданского назначения: в самолетостроении, в электротехнической и электронной промышленности, машиностроении и других наукоемких отраслях объемы производства резко снизились. Это привело к высвобождению значительных контингентов квалифицированных рабочих, инженеров и конструкторов.

Численно значительную группу составляют специалисты – врачи, учителя, преподаватели высшей школы и др. – у которых резко снизилась реальная заработная плата, несмотря на то, что социальная полезность их функций не ставится под сомнение, а число рабочих мест продолжает расти⁴⁵.

Работники целых отраслей бюджетной сферы, в которых заняты профессионалы высокой квалификации (здравоохранение, образование и культура), наряду с занятыми в сельском хозяйстве и целым рядом перерабатывающих отраслей промышленности стали зарабатывать ниже прожиточного минимума. Среди занятых по найму доля малоимущих и крайне бедных устойчиво превышает аналогичные показатели неработающих (!) и пенсионеров (!!)

Таблица 3

Распределение населения со среднедушевыми денежными доходами по домохозяйству ниже величины прожиточного минимума

	% от численности населения соответствующей группы							
	малоимущих				Крайне бедных			
	1992	1998	1999	2000	1992	1998	1999	2000
Все население с денежными доходами ниже прожиточного минимума	33,5	23,3	28,4	29,1		9,8	1,8	10,3
В том числе								
Работающие по найму		34,2	46,3	36,2		7,8	14,2	8,3
Занятые предпринимательской деятельностью		32,5	41,8	23,5		9,8	15,6	6,0
Неработающие пенсионеры		25,4	39,5	30,1		5,1	10,1	5,9
Получатели пособия по безработице		60,0	71,0	63,9		21,4	31,8	24,3

Социальное положение и уровень жизни населения России / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 141, 142.

⁴⁴ См. напр.: Миляева Л. Г. Работник и конверсия // ЭКО. 1997. № 9. С. 65–77.

⁴⁵ Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academia, 2001. С. 49–50.

Между тем именно статус занятости, положение в сфере оплачиваемого труда, профессиональная специализация в «нормальном» обществе определяет и материальное благополучие, и достойный социальный статус работоспособного гражданина. Именно здесь, формируются основания новой социальной.

Компенсируют утраченные блага и привилегии теневая занятость, родственный обмен взаимопомощью в кругу близких, домашняя экономика. Многим приходится заниматься более простым трудом, что ведет к профессиональной дисквалификации.

Неучтенные доходы по оценкам разных экспертов составляют от 25 до 49 %, но большая его часть концентрируется в руках наиболее обеспеченных⁴⁶. «Новые богатые» из числа бывших руководителей и успешных предпринимателей активно пользуются плодами приватизации, извлекают невиданную прибыль в сфере торговли и посреднических услуг.

Социальное неравенство в обществе с 70-летними эгалитарными традициями стало не просто видимым, а критическим, вызывая рост апатии и социального недовольства.

Происходит, прямо противоречащее модернизационной идее устойчивое относительное и абсолютное снижение занятых в науке (Таблица 2). Перспективы образования среднего класса омрачаются «утечкой умов», которая началась еще до открытия «железного занавеса», а в годы демократизации приобрела в некоторых отраслях обвальный характер, особенно из «закрытых городов»⁴⁷.

Безработица. По расчетам согласно методики Международной организации труда, в 1999 г. полностью безработные составляли 12,2 % от экономически активного населения, или 8,9 млн. чел.⁴⁸ Если к ним прибавить находящихся в административных отпусках и работающих неполную рабочую неделю – в декабре 1999 г. таких было около 8 % – то доля безработных и частично занятых составит пятую часть экономически активного населения. Также по сравнению с 1992 г. в 2 раза увеличился средний срок поиска работы (в 2000 г. – около 9 месяцев⁴⁹) и доля неработающих больше года, что особенно опасно для имеющих высокую квалификацию (Таблица 4). Продолжает расти слой хронически безработных.

Таблица 4

Распределение численности безработных по продолжительности поиска работы в 1992 и 1996–2000 гг., %

Продолжительность	1992	1996	1997	1998	1999	2000
До 3 месяцев	5,4	17,7	23,7	21,6	20,9	24,2
От 3 до 6 месяцев	19,6	2,8	15,8	15,9	13,6	14,1
От 6 до 12 месяцев	12,9	23,0	22,4	20,9	18,3	19,0

⁴⁶ Богомолова Т., Тапилина В. Экономическое неравенство населения России в 90-е годы: бедных все больше, богатых все меньше // ЭКО. 2001. № 2. С. 81.

⁴⁷ Миграция специалистов России: причины, последствия, оценки / Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН; РЭНД (США). М., 1994. С. 19–39; Каменский А. Иммиграция высококвалифицированных специалистов в развитые страны // Человек и труд. 1995. № 4. С. 37–40; Симоновский С. «Утечка умов» и технологическая безопасность России // Российский экономический журнал. 1996. № 3. С. 9–17; Степанов В.В. Эмиграция из России и проблема «утечки умов» // Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве М., 1997. С. 69–82; Стрепетова М.П. Утечка умов и интеллектуальный потенциал России // Проблемы прогнозирования. 1997. № 1. С. 73–83.

⁴⁸ Российский статистический ежегодник. М., 2000. С. 112.

⁴⁹ Социальное положение и уровень жизни населения России / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 85.

Больше года	11,1	32,5	38,1	41,0	47,2	42,7
Всего	100,0	100,0	100,0	99,5	100,0	100,0

Социальное положение и уровень жизни населения России / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 83.

Можно говорить о формировании многочисленного *андеркласса* (т.е. людей за пределами социально-структурного устройства общества) из бомжей, нищих, заключенных и большого числа мигрантов.

Таким образом, в период с 1995 по 1998 гг. сложилась новая структура занятости с новыми тенденциями устойчивого изменения. С одной стороны, формировался слой предпринимателей и собственников. С другой - нисходящая социальная мобильность, которая по оценкам, основанным на данных эмпирических исследований и статистики, охватила 65–70 % населения. Рынок высококвалифицированного труда уменьшается.

Дифференциация доходов или структурная маргинализация. В 1989 г. Россия с годовым доходом в 3000 долларов на душу населения вместе с Тайванем делила место в середине четвертого десятка стран, уступая более развитым капиталистическим и социалистическим, а также нескольким нефтедобывающим⁵⁰. После стремительного падения уровня жизни в 1990-е гг. реальные доходы населения сократились в половину (Таблица 5).

Таблица 5

Динамика Реальные денежные доходы населения и их дифференциации в 1991–2000 гг.

	1991	1992	1996	1997	1998	1999	2000
Реальные денежные доходы, %	1000		57,5	61,2	51,2	44,4	49,3
Коэффициент фондов		6,0	13,0	13,5	13,6	14,0	13,8
Коэффициент Джини		0,289	0,387	0,401	0,399	0,400	0,399

Социальное положение и уровень жизни населения России / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 105, 130.

К ослаблению и даже утрате социальных связей приводит пауперизация значительной части населения и появление разнородной и обширной категории «новых бедных». Распространение бедности на работающее население стало одной из ведущих особенностей российских трансформаций.

В целом за 1990-е гг. в числе малоимущих (со среднедушевым доходом меньше прожиточного минимума) оказывалось от трети (1992 г.) до четверти (самый благополучный 1998 г.) населения. Начиная с 1998 г., наблюдается устойчивый прирост доли малоимущих по всем демографическим группам, кроме самых старших (см. правую часть *Таблицы 3*). По этому показателю лидирует детско-подростковая группа (от 7 до 15 лет), которая, как правило, не имеет собственных источников дохода и испытывает на себе давление молодежной потребительской культуры (см. гл. 13), в силу чего ее можно отнести к наиболее депривированной по доходам. Вопрос о том, способствует ли бедность в этом возрасте складыванию социальных установок среднего класса – не является риторическим.

Таблица 6

Дифференциация наемных работников по начисленной заработной плате 1996–2000 гг., %

По 20-процентным группам	Май 1996	Окт 1997	Окт 1999	Апр. 2000
Первая (наименее оплачиваемые работники)	4,1	4,0	3,5	3,4
Вторая	9,0	8,9	8,1	8,0

⁵⁰ The World Almanac and Book of Facts, 1990. N.Y.: World Almanac, 1990.

Третья	14,5	14,5	13,5	13,4
Четвертая	22,4	22,6	22,0	21,8
Пятая (наиболее оплачиваемые работники)	50,0	50,0	52,9	53,4
Все	100,0	100,0	100,0	100,0
Коэффициент Джини	0,445	0,447	0,480	0,483
Коэффициент фондов	24,0	25,0	32,1	34,0

Социальное положение и уровень жизни населения России / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 135.

Средства к существованию не исчерпываются текущими денежными доходами, поскольку семьи располагают домами и квартирами, предметами длительного пользования, сбережениями и т.п., то есть тем, что было накоплено в предыдущие годы. Тогда, по данным статистики, получается, что российские семьи живут лучше, чем показывает картина денежных доходов. Например, расчеты доли малоимущих среди городских домохозяйств по денежным доходам дают цифру, приближающуюся к 40 %, а по располагаемым ресурсам – ближе к 30 %; среди сельских домохозяйств малоимущих по денежным доходам около 55 %, а по располагаемым ресурсам – не более 40 %⁵¹.

При этом доля крайне бедного населения с ресурсами в два и более раз ниже величины прожиточного минимума – практически не опускается ниже 10 %: в 1998 г. она составила 9,8 %, в 1999 г. – 16,8 %, а в 2000 г. вновь снизилась до 10,3 %⁵².

Таким образом, по официальным данным примерно треть населения страны оказалась за чертой обеспеченности – с доходами ниже прожиточного минимума. Значительная часть «новых бедных» занята, однако занятость не обеспечивает достаток.

Опросы ВЦИОМ позволяют отнести необеспеченные слои ближе к тем, кто живет на грани нищеты. По состоянию на июль 1994 г. доля бедных почти в два раза превышала официальные данные⁵³, а в мае 1995 г. бедными считали себя почти две трети опрошенных⁵⁴.

Регулярные замеры *субъективных оценок* величин «прожиточного минимума» и «нормального дохода», сделанные ВЦИОМом в 1996–2000 гг. по репрезентативной для населения России выборке, показывают, что средние оценки «нормального» уровня достатка примерно в 2,3 раза выше средних оценок «минимального» уровня достатка. При этом в мае 1996 г. называемый респондентами среднестатистический доход был примерно на 25 % ниже «минимального» уровня достатка, и к ноябрю эта разница увеличилась до 80–85 %⁵⁵.

Хотя расходы на продукты питания составляют большую часть семейного бюджета малообеспеченных, даже среди небогатых слоев реализуются новые жизненные стандарты под воздействием примера потребления более благополучных слоев. Формируются новые

⁵¹ Социальное положение... С. 147.

⁵² Социальное положение... С. 142.

⁵³ Зубова Л.Г., Ковалева Н.В., Хахулина Л.А. Бедность в новых экономических условиях // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1995. № 3. С. 57.

⁵⁴ Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1994. № 4. С. 25.

⁵⁵ Бондаренко Н. Анализ субъективных оценок нормального дохода и прожиточного минимума // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 2001. № 1. С. 49.

потребительские запросы и приоритеты: жилье, образование, здоровье, массовая культура. Бум жилищного строительства с некоторыми элементами евроремонта и прочие имущественные различия были четко зафиксированы в массовых представительных обследования жилищных хозяйств, причем обнаружилось, что в городских семьях имеют место существенные различия в образе жизни семей одинакового достатка [10, с. 15]. Еще более явно изменения в потреблении проявляются в высоко и средне обеспеченных слоях. Однако доля этих групп остается незначительной. По разным оценкам средний слой составляет от 5 до 25 % всего населения, а богатых и того меньше. Иными словами, потребительское поведение в условиях расширенного воспроизводства бедности вряд ли может быть критерием имущественной стратификации.

Дифференциация населения по доходам за 90- гг. более чем в полтора раза выросла. С 1996 г. стабилизировался соответствующий коэффициент, который отражает соотношение между усредненным доходом 10 % самых богатых и 10 % самых бедных (Таблица 5).

Еще большую дифференциацию доходов показывают исследования работающих по найму (в 1998–2000 гг. они составляли 90–95 %⁵⁶). Дифференциацию по доходам усиливает и снижение реальных объемов фондов общественного потребления. Данные *таблицы 6* означают, что пятой части наименее оплачиваемых работников было начислено 3,4 % направленных на зарплату денежных средств, тогда как высокооплачиваемым выпало свыше половины от всего фонда заработной платы. С 1996 г. высокооплачиваемые получают все больше, а низкооплачиваемые все меньше. В российской экономике работал закон Матфея: тому, кто имеет, присовокупится, а у того, кто не имеет, отнимется и то, что имеет⁵⁷.

Итак, есть основания полагать, что *происходит устойчивая маргинализация социальных слоев*. Во всяком случае, результаты общенациональных опросов не обнаруживают массовых взлетов и падений граждан по уровню жизни семьи. Социальное расслоение происходит по ряду оснований: внутри отраслей и в межотраслевом пространстве, по формам собственности предприятий⁵⁸, по территориальному (город/село), региональному и другим.

Активистский подход Т. Заславской, которая выделяет социальные группы, настроенные на реформирование экономики и политического устройства, массы индифферентных граждан и противников реформ, не исключает анализ социального расслоения в стране под углом зрения «запаздывающей модернизации», но скорее дополняет общую картину происходящих в России перемен. Социальные трансформации в стране направлены в сторону достижения социального устройства развитых стран Запада. Каждая страна вливается в современность своим путем. России предстоит найти этот путь с минимальными социальными издержками. На данный момент такая стратегия не определена.

⁵⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России / Госкомстат РФ. М., 2001. С. 130.

⁵⁷ Пропорции дифференциации сильно различаются между собой по отраслям. Так, средняя начисленная зарплата первого дециля (10 % наименее оплачиваемых) в культуре и искусстве в апреле 2000 г. составляла 177,8 руб., а средняя зарплата десятого дециля – 4912,5 руб., в образовании – 204,5 и 3411,4 руб., в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении – 262,9 и 3908,4 руб., в промышленности – 473,7 и 9849,0 руб., а в электроэнергетике – 1040,0 и 8962,6 руб. и топливной промышленности – 1208,7 и 17341,1 руб. соответственно. Ниже прожиточного минимума для трудоспособного населения остается средняя начисленная заработная плата для ряда массовых профессий социальной сферы, а также в целом по отрасли (!) в культуре и образовании ([ССЫЛКА](#))

⁵⁸ Социальное положение... С. 138.

Тема 3. Социальная структура трансформирующихся обществ: общее и особенное

Происходит радикальная и для многих крайне болезненная ломка социального положения. Те, кто проигрывают от утраты прежнего статуса, с трудом воспринимают «везение» выигрывающих. Социальный порядок не имеет явных и тем более устойчивых очертаний.

Ломка социальных неравенств. Социальная структура находится в фокусе пристального внимания, поскольку является каркасом социального устройства. Перестройка, начавшаяся в 1989 году, спустя два года закончилась крахом империи и радикальными экономическими преобразованиями. Началась трансформация российского общества, первоначально представленная как «догоняющая модернизация»⁵⁹. На этом основании общество признавалось «переходным»,двигающимся в направлении к «современному» или даже постсовременному. Соответственно, ожидалось формирование социальной структуры, близкой к западным образцам.

Наблюдая «броуновское движение» в российском социальном пространстве, исследователи 90-х годов уже опасаются столь однозначно оценивать его, и предпочитают говорить о высокоактивной стадии социальных трансформаций, о нестабильности, близкой к «динамическому хаосу»⁶⁰. Встречаются и более пессимистические высказывания о процессе индустриальной инволюции, когда монополярная власть на ресурсы и снабжение, получение прибыли в торговле и развитие бартера, рабочих, а не управленческий контроль ведут к экономической регрессии и замыкании общества в самом себе [10].

Каким бы ни был диагноз движению и современному состоянию нашего общества, очевидно одно: происходит кардинальное изменение оснований системы. И социальная структура, также меняющаяся и подвижная, отражает происходящие в обществе перемены, демонстрирует проблемные зоны. Перечислим лишь некоторые, наиболее очевидные, социальные изменения.

Более половины населения страны оказалась за чертой бедности – с доходами ниже прожиточного минимума. Значительная часть «новых бедных» занята, однако рабочее место уже не обеспечивает достаток. Компенсируют утраченные блага и привилегии теневая занятость, родственник обмен и домашняя экономика. Социальное неравенство в обществе с 70-летними эгалитарными традициями стало не просто видимым, а критическим, вызывая рост апатии и социального недовольства.

Масштабное и глубинное изменение социального порядка, в целом, и социальной иерархии, в частности, затрудняет обобщения. Дополнительные трудности создает подвижность структур и социальных групп, еще находящихся в стадии становления и образования. И все же попробуем определить точки отсчета в понимании процесса социальной реструктуризации (трансформации социальной структуры) в постсоциалистических странах в целом и в нынешней России.

3.1. Общие тенденции структурирования социального неравенства

Вопросы: наблюдаются ли те тенденции в ломке социальной структуре постсоциалистических стран, которые имели место на заре капитализма? Действительно ли, как тогда, экономические классы, отличающиеся положением в системе производства и доходом, появляются на арене общественной жизни?

Сторонники линейного развития отмечают нарастание характеристик, свойственных «модерному обществу». М. Вебер отмечал четыре особенности современных обществ: (1) индустриальный способ производства; (2) развитие рациональной бюрократии; (3) гражданское

⁵⁹ Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5-22.

⁶⁰ Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия. М.: Дело, 1999.

общество; (4) личная автономия от традиционных связей в связи с формированием новых механизмов социальной интеграции. Одним из таких механизмов является денежный обмен и рынок.

В Советском государстве три последних условия отсутствовали: вместо рыночного обмена действовала система государственного распределения, а социальный статус индивида определялся по положению во властно-административной иерархии. На этих основаниях некоторые ученые относят советское общество к сословным⁶¹ или квазисословным⁶². Движение к рынку в таком контексте означает формирование классового общества и замену властных критериев стратификации экономическими.

Отказ от линейных схем развития в пользу разнообразия и форм модернизации, и форм капитализма позволяют выдвигать совершенно новые объяснения. Заслуживают внимания результаты сравнительного исследования в пост-коммунистических странах Центральной Европы. Исследователи обнаружили, что в этих странах формируется капитализм без капиталистов и существует уникальная социальная структура, в которой вершину социальной иерархии занимают те, кто смог конвертировать культурный капитал в материальный [14]. Правда, Россия не попала в число этих стран и авторы предпочли говорить о существовании здесь капиталистов без капитализма.

Наиболее убедительным является мнение о том, что “капитализм” и “социализм” - лишь формы индустриального общества. Суть перехода в таком случае - в смене бюрократического капитализма частным, в котором номенклатура просто присваивает государственную собственность. Согласно этой точке зрения советское общество, по сути командно-административное, подобно капиталистическому, являлось классовым или квази-классовым. В постсоветском обществе меняется лишь функциональное содержание классов [14, p. 13].

Наследие прошлого. Социальная структура постсоциалистических обществ, в том числе современной России, представляет собой гибрид прежней властно-административной системы и нынешней «капиталистической». В плановой экономике социальное неравенство основывалось на неравном доступе к благам и привилегиям занимающих разные позиции во властной иерархии. Отнюдь не свободный рыночный обмен были залогом успеха различных групп. Управленцы и служащие представляли разные социальные полюса.

В рыночной экономике разделение труда и социальное неравенство, или, другими словами, распределение жизненных шансов и благ в идеале являются результатом свободного обмена. Формирование рыночной экономики предполагало замену властных рычагов распределения благ экономическими. Процесс замены в ходе приватизации (создания института частной собственности), развития предпринимательства и формирования рынка труда оказался не столь однозначным и быстрым. Ресурсы прежней распределительной системы (власть, связи, профессиональные навыки) инкорпорировались во вновь складывающуюся систему. Способность конвертировать ресурсы прошлого в новые экономические и социальные отношения оказалась ведущим фактором достижения жизненного успеха и продвижения вверх по социальной лестнице. Невостребованные в новых условиях ресурсы остались с нереализованным сокровищем и в лучшем случае обеспечивают поддержание прежнего уровня жизни, а в худшем - не могут предотвратить нисходящей мобильности.

⁶¹ Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia. Transforming Structure and Everyday Life. Aldershot: Dartmouth, 1997.

⁶² Андреев А.Л. Социальное ядро нации (средние слои в современном российском обществе) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 76-86.

В результате инвестирования ресурсов прошлого во вновь складывающиеся отношения и социальные практики социальная иерархия (структурированное неравенство) несет в себе черты обеих систем.

Властные (административные) и силовые (криминальные) структуры активно вмешиваются в процесс «свободного обмена» потребительскими стоимостями (товарами), социальные связи интенсивно используются при устройстве на работу, поступлении в высшее учебное заведение, получении кредитов или материального вспомоществования.

Сетевые ресурсы и сетевое общество. Выстраивание новой структуры происходит за счет актуализации сетевых и неформальных отношений, которые всегда существовали в бывших социалистических странах параллельно официальным (административным) рычагам структурирования. Именно они становятся мощным фактором объединения людей и формирования социальных общностей.

Данное обстоятельство позволяет некоторым ученым относить постсоветскую Россию к числу антисовременных или квазисовременных⁶³. Их объединяет то, что вместо рыночных и государственных каналов производства и распределения товаров и услуг здесь активно используются социальные сети. Американский социолог Ричард Роуз⁶⁴ в ходе исследования социальных сетей, используемых россиянами в повседневной жизни⁶⁵, зафиксировал низкий уровень доверия граждан к официальным (государственным) структурам как каналу предоставления товаров и услуг. Только две пятых респондентов надеются на защиту правоохранительных органов от квартирных краж, четыре пятых домохозяйств продолжают заниматься самообеспечением продуктами питания, выращенными в подсобных хозяйствах, а 66% респондентов рассчитывают взять в долг деньги у своих родственников и друзей, еще 68% продолжают рассчитывать на традиционные сети дружеских связей в случае обращения в официальные структуры (для обеспечения доступа к общественным ресурсам). Автор делает вывод о демодернизации постсоветского общества. Чтобы избежать этого необходимо изменить способы управления⁶⁶.

Глобализация интенсифицирует эти процессы. М. Кастельс в своей книге «Информационная эпоха» [6] подчеркивает воздействие информатизации на ломку экономических структур: относительно жесткие и вертикально ориентированные институты замещаются гибкими и горизонтально ориентированными сетями. Через такие сети осуществляется власть и обмен ресурсами. Все сферы жизни людей, начиная с геополитики крупных национальных государств и заканчивая повседневностью, меняются, оказываясь помещенными в информационное пространство и глобальные сети⁶⁷. Технология больше не определяет развитие общества. Не менее важную роль в социальных изменениях играют индивиды. Их опыт освоения технических возможностей преобразует как средства производства, так и собственные идентичности. Одна

⁶³ В литературе делается разграничение между понятиями «квазисовременное» и «антисовременное» общества. Первый термин используется в отношении менее современных обществ еще только на пути к современным, тогда как второй относится к государствам, не ориентированным в своем развитии на «образцы» современных обществ с их политической демократией и конкурентной рыночной экономикой. (См. ниже – Роуз).

⁶⁴ Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: Социальные сети в России // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 23.

⁶⁵ Опрос был проведен ВЦИОМом в марте-апреле 1998 года по случайной выборке (N=1904).

⁶⁶ Роуз Р. С. 37.

⁶⁷ Абрамов Р.Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социс. 2002. № 3. С. 133-140.

из ключевых черт информационного общества – сетевая логика его базовой структуры: информационная технология инициирует сетевые модели изменений социальной системы. По мнению Кастельса, перспективы развития российского общества неутешительны: наследие советского этатизма, помноженные на экономические и политические спекуляции элиты, а также на волонтарисские рекомендации Международного валютного фонда привели Россию и другие страны бывшего СССР к разрушению основ гражданского общества (которых по существу и не было). Коллапс советской системы создал обширный культурный и информационно-экономический пустырь, каковому будет трудно превратиться в одну из строительных площадок информационного общества⁶⁸.

Итак, в современном динамичном обществе новая социальная структура складывается как результат действия социальных субъектов, продукт повседневного выбора и принятия решений простыми людьми относительно достижения жизненного успеха, доступа к социальным благам. Когда действия людей становятся устойчивыми и типичными (коллективными), то они оборачиваются маркерами (легитимными обозначениями) новых социальных позиций. Таким образом и выстраивается социальная структура трансформирующегося общества – иерархия групп с устойчивыми формами социального поведения.

3.2. Особенности социальной реструктуризации в России

Главная особенность - множественность факторов объективного и субъективного характера, затрудняющих уверенное описание складывающейся социальной структуры и самоопределение граждан в неустойчивых иерархиях социальных неравенств. На первый план выступает имущественная дифференциация. Но по мере стабилизации социальной структуры этот критерий становится недостаточным. Ниже показано, что таких критериев может быть несколько.

Статус занятости (положение в системе производства). Распространение бедности на работающее население стало одной из ведущих особенностей трансформации в России. Региональная и отраслевая дифференциация заработной платы хорошо демонстрирует неблагоприятные сегменты занятости. Работники бюджетной сферы (здравоохранение, образование и культура) наряду с занятыми в сельском хозяйстве и целым рядом перерабатывающих отраслей промышленности стали получать заработную плату ниже прожиточного минимума. Компенсация низких заработков обернулась расцветом неформальной экономики, а также мобилизацией ресурсов семьи, взаимопомощью в кругу близких. Но именно статус занятости, положение в сфере оплачиваемого труда, профессиональная специализация в «нормальном» обществе определяет и материальное благополучие, и достойный социальный статус работоспособного гражданина. Именно здесь, формируются основания новой социальной иерархии в виде «устойчивых различий между индивидами по их месту в системе производственных отношений» (определение М. Буравого)⁶⁹. Говорить о формировании класса наемных рабочих и капиталистов пока не приходится в силу проявления солидарностей прежнего образца. Скорее можно констатировать начало процесса классовобразования, в котором активную роль принимают сами субъекты и вырабатываемые ими стратегии.

Положение в системе производства (место занятости) хорошо описывает и объясняет поведение россиян. Об этом красноречиво свидетельствуют данные исследования российских домохозяйств «Стратегии выживания и новые формы занятости», проведенного в 1998 году в

⁶⁸ Абрамов Р.Н. С. 140.

⁶⁹ Буравой М., Кротов П. Советский вариант перехода от социализма к капитализму // Рубеж. 1992. № 4. С. 107-136.

четырёх регионах России. Дополнительную (но не основную) информацию дают данные о социальном расслоении по шкале «богатые-бедные».

Бедные и богатые. Либерализация цен и отсутствие дефицита позволяет формировать потребительские стили и горизонтальную проекцию социальной структуры. Однако, особенностью эпохи перемен является нисходящая социальная мобильность ранее состоятельных слоев и распространение бедности на работающих. В таких условиях стратегия выживания лидирует в ряду других, более активных способов адаптации к изменившимся условиям⁷⁰.

Хотя расходы на продукты питания составляют большую часть семейного бюджета малообеспеченных, даже в этом слое реализуются новые жизненные стандарты под воздействием примера потребления более благополучных слоев. Формируются новые потребительские запросы и приоритеты: жилье, образование, здоровье, массовая культура.

Бум жилищного строительства с некоторыми элементами евроремонта и прочие имущественные различия были четко зафиксированы в массовых представительных обследованиях жилищных хозяйств, причем обнаружилось, что в городских семьях имеют место существенные различия в образе жизни семей одинакового достатка (уровня жизни) [10, с. 15].

Еще более явно изменения в потреблении проявляются в высоко и средне обеспеченных слоях, однако доля этих групп остается незначительной. Иными словами, потребительские стили как следствие экономической (доходной) позиции в условиях расширенного воспроизводства бедности вряд ли могут быть достаточным критерием стратификации.

Социальный ресурс. Усиливается роль субъектов, без которых изменения были бы невозможны. Сильноресурсные группы способны изменять правила социальных взаимоотношений и становится классом собственников. На первый план в понимании процессов классовобразования выходят понятия социального ресурса или социального капитала.

Из чего складывается социальный ресурс российского гражданина и совокупности граждан, образующих определенный слой? По мнению В.А. Ядова⁷¹, это (1) возраст (молодые), (2) уровень материального благосостояния, (3) место жительства (центр/провинция), (4) наличие обширной сети знакомств (характеристика социальных сетей), (5) образование, квалификация профессия, (6) знание иностранных языков, (7) национальная принадлежность, (8) высокая личностная самооценка, (9) готовность к риску, (10) состояние здоровья.

Сравнение позиций россиян, немцев и англичан по 13 основным факторам жизненного успеха показало, что наши соотечественники склонны выдвигать на первое место личные способности, тогда как у респондентов из стран Западной Европы эта позиция кажется менее значимой, чем хороший труд и хорошее образование. «Очень важным» образование назвали только 57 % россиян, почти 75 % британцев и 88–90 % немцев⁷².

Главные черты трансформации социальной структуры. Сохранение социальной устойчивости в условиях снижения уровня жизни – системный процесс, где решающую роль

⁷⁰ См. главу 11 «Адаптационные стратегии».

⁷¹ 11. Ядов В. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310-318.

⁷² Андреев А.Л. Социальное ядро нации (средние слои в современном российском обществе) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 78.

играет взаимодействие трех факторов: социального сравнения, динамики безработицы и стоимости жизни, накопления социального нетерпения⁷³.

В этой связи характер мобилизационного ресурса и жизненной стратегии (защитной или стратегии достижения) - важный фактор трансформации социальной структуры. Особенно существенно формирование новых оснований для солидарного действия.

В начале реформ ярко проявлялся трайбализм – отсутствие ярко выраженного социального субъекта, связанное с утратой прежних идентичностей и оснований для солидаризации. Идентификация с кругом близких до сих пор идет впереди идентификации с большими социальными общностями⁷⁴.

Наиболее ярким примером коллективной реакции граждан на проводимые реформы стало формирование теневой экономики: распространение вторичной занятости, самозанятости и семейного бизнеса наряду с сохранением официального рабочего места – символы трансформирующегося общества.

Сам этот феномен интерпретируется в двух смыслах: и как пример деградации общественного производства, и как свидетельство становления третьего сектора. Мы полагаем, что здесь имеется яркое свидетельство интеграции новых, капиталистических отношений в прежние производственные отношения.

Заключение

Подчеркнем, что в настоящее время социальной структуре российского общества присуща крайняя неустойчивость. Она объективно проявляет себя в процессах, происходящих внутри социальных групп и в межгрупповых взаимоотношениях. Со стороны субъектов эта неустойчивость выражена в том, что люди не способны более или менее уверенно определить свое положение в системе социальной иерархии. Идет активный процесс «размывания» традиционных слоев и групп населения, происходит становление новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, включенности во властные структуры.

Происходит декомпозиции социальной структуры, причем она распадается на несколько относительно независимых друг от друга измерений.

Масштабы, тенденции, глубина и особенности протекания трансформации социальной структуры, ее усложнение определяются комплексом факторов: структурными изменениями в экономике и темпами выхода из кризисного состояния; существеннейшими изменениями в системе занятости; снижением уровня жизни подавляющей части населения; социальной анемией (разрушением одной ценностно-нормативной системы и несформированностью другой) и социальной депривацией, т.е. ограничением, либо лишением доступа к материальным и духовным ресурсам, необходимым для нормальной жизнедеятельности. Трансформационные процессы изменили прежнюю конфигурацию социально-классовой и социально-слоевой структуры общества. Процесс становления новой и достаточно устойчивой социальной структуры происходит не только путем замещения старых структурных элементов новыми, но гораздо сложнее – в результате наложения одной структуры на другую, их взаимодействием и противостоянием. Отсюда – фрагментарность общества.

Одним из важных моментов социоструктурной динамики является изменение роли и содержания традиционных критериев стратификации общества. Напомним, что основными критериями принято считать экономический потенциал, проявляющийся в масштабах собственности, уровне доходов, состоянии накопленного имущества, политический потенциал,

⁷³ Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 11.

⁷⁴ См. Глава 10.

выражающийся в объеме властных и управленческих функций, и, наконец, социокультурный потенциал, отражающий уровень образования, квалификации и культуры, особенности образа и качества жизни. Можно смело добавить к этому перечню то, что в узком смысле называют социальным капиталом – насыщенность сетей взаимосвязей с другими людьми, группами и социальными институтами, потенциал доверия.

Множественность воздействующих на становление социальной структуры факторов затрудняет обоснованные прогнозы ближайшего будущего. Тем не менее, очевидно, что решающие условия стабилизации социальной структуры это - радикальное повышение уровня жизни основной массы населения, увеличение численности рабочих мест, солидаризация работников наемного труда ради обеспечения их законом установленных прав и, наконец, обретение гражданами чувства уверенности в устойчивости своего общественного положения. Достижение этих целей будет означать завершение «переходного периода» и начало прогнозируемых трансформаций.

Рассуждения о трансформации на основании только данных о материальной дифференциации оказываются недостаточным. Хотя и считается, что такая позиция обоснована, поскольку россияне в основном связывают свой статус с материальным благополучием, и ведущие специалисты признают, что даже при многомерном критерии определения социального статуса, материальный достаток будет ведущим в этом перечне. И, наконец, социальное расслоение на основании жизненных стилей, или горизонтальной иерархии, можно применить только к половине населения⁷⁵.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем общность и различия в определении социальных классов К. Марксом и М. Вебером?
2. Каковы основные особенности стратификационного подхода к анализу социального расслоения?
3. Основные идеи деятельностной парадигмы социального расслоения о значении активности социальных субъектов в формировании социальной структуры.
4. Почему некоторые авторы утверждают, что в среде прежней советской элиты произошло конвертирование социального ресурса в финансовый капитал и капитал власти?
5. Что означает понятие «эмерджентные» факторы социально-структурных изменений?
6. Особенности современных тенденций рекомпозиции социальных неравенств в российском обществе.

Тематика рефератов и эссе

1. Классовый подход К. Маркса и М. Вебера и возможности его использования для анализа социального расслоения в российском обществе.
2. Теория стратификации в применении к российскому обществу.
3. Попробуйте охарактеризовать социальное положение своей родительской семьи, используя разные теоретические подходы.
4. Опишите и проанализируйте статистики и данные опросов, относящиеся к динамике социального расслоения за последние годы.
5. Как соотнести «сетевой подход» М. Кастельса со структурными подходами в изучении социальных неравенств?

⁷⁵ Тихонова Н.Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // СОЦИС. 2000. № 3. С. 13-22.

6. Рассмотрите проблему социального расслоения под углом зрения теории П. Бурдьё о значимости разных форм «капиталов» субъекта как условия его самоопределения в поле социальных взаимодействий.
7. Свободная тема по выбору.

Семинар-дискуссия

1. Сопоставьте различные теоретические подходы к анализу социального расслоения и покажите их преимущества и слабости.
2. Если использовать стратификационную теорию, то какие признаки социального положения существенны для оценки места некоторой группы в стратификационной иерархии?
3. В чем суть подхода Т.И. Заславской к рассмотрению механизмов становления социальных неравенств?
4. Проблема взаимосвязи между реальным социальным статусом и самооценкой своего общественного положения. Что следует из несовпадения между ними?
5. Как вы относитесь к тому, чтобы обратиться к теориям классов для описания социальной структуры российского общества? Всегда ли классовые отношения ведут к социальному конфликту и как избежать таковых?

Основная литература

1. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 17-37.
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии // Вебер М. Избранное: Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 43-77.
3. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социс. 1992. № 9. С. 112-115.
4. Заславская Т.И. Социально-трансформационная структура России // Общество и экономика. 1999. № 3-4. С. 17-27.
5. Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000. С. 243-258.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: Центрально-Европейский университет, 2000.
7. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1995.
8. Райт Э. Проблема классов в современной социологии // Рубеж. 1995. № 6-7. С. 143-164.

Литература дополнительная

9. Беляева Л.А. В поисках среднего класса // Социс. 1999. № 7. С. 72-77.
10. Буравой М., Кротов П., Лыткина Т. От деревянного Парижа к панельной Орбите: модель жилищных классов города Сыктывкара. Сыктывкар: ИРСИ, 1999.
11. Горшков М.К. Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России // Социс. 2000. № 3. С. 4-12.
12. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социс. 2001. № 8. С. 3-11.
13. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: Беда, вина или ресурс человечества? М.: УРСС, 1999.
14. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. 2000. № 15. С. 36-85.
15. Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism without Capitalists: Class formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe. L.; N.Y.: Verso, 1998.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Курс рассчитан на 6 часов, из них 2 лекции и 1 семинар-дискуссия. Литература доступна на русском языке и ее общий объем составляет примерно 250 страниц плюс дополнительная

литература, включая на английском. В обязательном списке – 11 источников, в дополнительном – 13. Хрестоматия содержит 5 фрагментов из оригинальных текстов.

Контроль знаний – реферат или Эссе. Без экзамена.

Тема 1. Теоретические подходы к проблеме

1.1. Классическое наследие и современные теории

1.2. Объяснения посткоммунистических трансформаций: в поисках адекватной теории

Тема 2. Социальная структура трансформирующихся обществ: общее и особенное

2.1. Общие тенденции структурирования социального неравенства

2.2. Особенности социальной реструктуризации в России

Раздел программы в учебном пособии

Вводный раздел посвящен анализу теорий о социальной структуре: классовый, стратификационный и деятельностный подходы. Основное содержание главы посвящено общим тенденциям и особенностям структурирования социального неравенства в современном российском обществе. Особо рассматривается проблема маргинализации социального статуса населения в постсоветской России.

Обсуждаются проблемы возникновения крайне высокого уровня неравенства в материальном положении меньшинства «выигравших» от реформ и большинства, утративших прежние социальные гарантии.

Бывшая советская элита инвестировала свои ресурсы во вновь складывающиеся отношения и социальные практики, в результате чего социальная иерархия несет в себе черты обеих систем. Рассматриваются такие особенности социальной реструктуризации как актуализация сетевых и неформальных отношений, а также иных оснований социального расслоения - этничности и гендерного, социальных неравенств, связанных с региональными различиями и местом жительства. Рассматривается ситуация, когда выстраивание социально-статусных иерархий зависит от характера мобилизационного ресурса и жизненной стратегии человека, защитной или достижительской.

Глава наиболее связана с проблематикой гл.10 о процессах социальной идентификации, гл.11 (проблемы адаптации населения к постсоветским условиям жизни) и гл.7, посвященной обсуждению вопроса «Что такое свобода?»

Рекомендация преподавателю. Проблематика раздела политически и жизненно актуализирована, она «на слуху» и затрагивает каждого. Важно удержаться на позиции «академического объективизма», не дать выплеснуться своим политико-идеологическим предпочтениям в лекциях. Исключительно важны групповые обсуждения со студентами.

Рекомендация студентам. Постарайтесь сопоставить содержание этого раздела курса с тем, что вы знаете из передач по радио и телевидению, из газет и наблюдаете в повседневности.

Состав хрестоматии-ридера

1. Буравой М. Неоклассическая социология: от конца коммунизма к концу классов. Пер. с англ. (фрагмент около 5 страниц)
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии. Введение // М.Вебер. Избранное. Образ общества. Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 43-77 (фрагмент 2 страницы)
3. Заславская Т. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социс. 2001. №8. С.3-11
4. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Изд. 2. Т.4. С.419-457 (фрагмент 4 страницы)

5. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. 2000. №15. С.36-85 (фрагмент около 5 страниц)